

Е. Н. Дубовцева,* Т. Ю. Клементьева,* Л. Л. Косинская,**
А. А. Погодин, Н. М. Чаиркина*

НЕОЛИТ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

doi:10.30759/1728-9718-2024-3(84)-46-60

УДК 902(571.1)“634” ББК 63.442.15(253.3)

В таежной зоне севера Западной Сибири известно более 400 памятников эпохи неолита. На основании радиоуглеродных данных и стратиграфических наблюдений, особенностей керамических комплексов в неолите рассматриваемой территории выделено три периода — ранний, средний и поздний. В середине VII — начале VI тыс. до н. э. в культуре населения этого региона появляется ряд инноваций: гончарное дело, усовершенствование присваивающего типа хозяйства и переход к менее мобильному образу жизни, — нашедший отражение в строительстве стационарных открытых и немногочисленных укрепленных поселений, в сооружении культовых холмов. Начиная со среднего неолита, появляются признаки формирования годового хозяйственного цикла, возрастает плотность населения. Мировоззренческие представления неолитического населения отражены в многообразии ритуальных практик, орнаментальном искусстве, мелкой пластике, посвященной животному миру, реже человеку. По керамике прослеживаются культурные связи между отдельными коллективами таежной зоны Западной Сибири и населением сопредельных территорий: в западной части Урало-Западносибирского региона — вдоль восточных склонов Уральского хребта; в более восточных районах — по речной системе Иртыш — Обь.

Ключевые слова: таежная зона Западной Сибири, неолит, хронология, периодизация, хозяйство, образ жизни, ритуальная практика, погребальный обряд, культурные связи

Изучение неолита таежной зоны севера Западной Сибири в последние два десятилетия актуализировалось. Последние материалы,

полученные на качественно новом уровне полевого исследования, и мультидисциплинарный подход к анализу источников позволили уточнить хронологию эпохи, проследить развитие культуры от позднего мезолита до эпохи металла.¹

Дубовцева Екатерина Николаевна — к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: ket1980@yandex.ru

Основными ареалами памятников неолита являются Кондинская и Среднеобская низменности, Северо-Сосьвинская и Белогорская возвышенность, а также Сибирские Увалы в Нижнеобском бассейне и Надым-Пуровском междуречье. На этих территориях выявлено более 400 неолитических памятников (рис. 1), представленных стоянками, поселениями, городищами, производственными и культовыми площадками, могильниками.

Клементьева Татьяна Юрьевна — н.с., Институт истории и археологии УрО РАН; ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие» (г. Екатеринбург)
E-mail: klementjev@yandex.ru

Косинская Любовь Львовна — к.и.н., с.н.с., Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: kosinskaya4949@mail.ru

Периодизация и хронология

Актуальным аспектом научных исследований последнего десятилетия являлась ревизия хронологических схем 1980–1990-х гг. и разработка региональных периодизаций археологических памятников бассейна р. Конды, Сургутского и Нижнего Приобья и др. В основе этой работы лежали комплексное изучение керамики,² стратиграфические наблюдения

Погодин Андрей Альбертович — заместитель генерального директора ООО НАЦ «АВ КОМ — Наследие» (г. Екатеринбург)
E-mail: pogodin1966@yandex.ru

Чаиркина Наталия Михайловна — д.и.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: chair_n@mail.ru

* Работа выполнена по бюджетной теме НИОКТР 124032100052-6 «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования»

** Работа выполнена в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ №FEUZ-2023-0018 «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов»

¹ См.: Академическая история Югры. Ханты-Мансийск, 2024. Т. 1.
² См.: Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства в неолите севера Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2021.

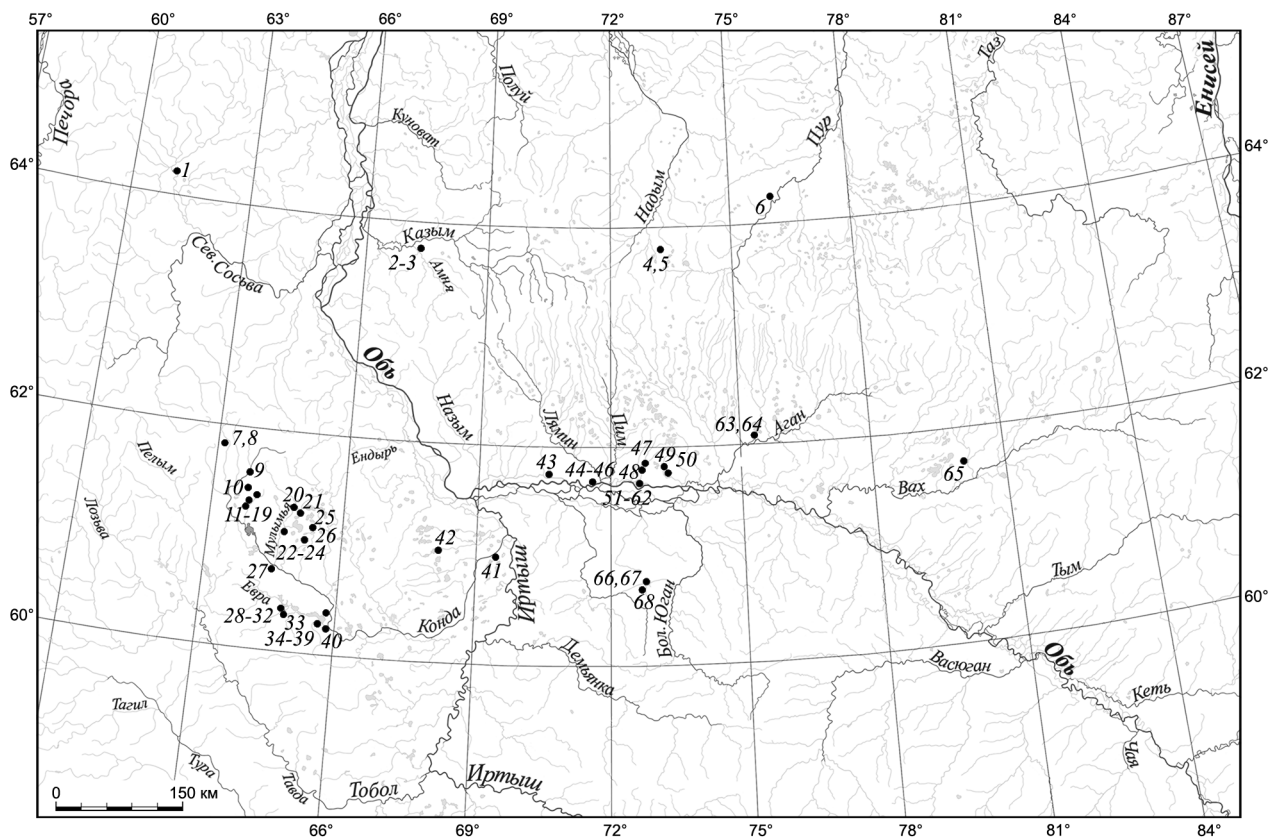

Рис. 1. Карта важнейших неолитических памятников севера Западной Сибири:

- 1 — Чэс-тый-яг; 2 — Амня I; 3 — Кирип-вис-юган 2; 4, 5 — Ет-то I, II; 6 — Вора-яха 1; 7 — Геологическое VII; 8 — Геологическое XVI; 9 — Шоушма 10; 10 — Лемья 19.1; 11–19 — Большая Умытъя 2, 8, 9, 57, 72, 60, 100, 109, 142; 20 — Супра 4; 21 — Убья 3; 22–24 — Мулымья 3, 4, 6.3; 25 — Толум 1; 26 — Усть-Тетер 1; 27 — Ушья; 28–32 — Сумпанья II, III, IV, VI, VII; 33 — Канда; 34–39 — Леуши I, III, VII, IX, XIII, XIV; 40 — Чертова гора; 41 — Чилимка V; 42 — Стариков мыс I; 43 — Микишкино 5; 44–46 — Кушниково 1, 2, 8; 47 — Быстрый Кульёган 66; 48 — Быстрый Кульёган 38; 49 — Чёрная 3; 50 — Пыхты I; 51–62 — Барсова гора I/5, I/8, II/8, II/9, II/10, II/15, II/16, II/17, II/19, II/22, II/42, IV/5; 63, 64 — Нёх-Урий 3.1, 3.2; 65 — Большой Ларьяк II; 66, 67 — Каюково 1, 2; 68 — Колунгтогытор 1

и радиоуглеродное датирование.³ Современная схема периодизации неолита таежной зоны севера Западной Сибири включает три периода (см. рис. 2). Ранние неолитические памятники Сургутского и Нижнего Приобья датируются 6500/6000–5500/5300 кал. л. до н. э., памятники среднего этапа — 5500/5300–4600/4400 кал. л. до н. э., позднего — 4600/4400–3800/3700 кал. л. до н. э. В бассейне р. Конды ранний период неолита датируется 6300–6000 кал. л. до н. э.; средний — 6000–4500 кал. л. до н. э.; поздний — 4500–3500 кал. л. до н. э. Расхождение в хронологии периодов можно объяснить различными темпами культурного развития в регионе, но нельзя исключать и неточности в датировании отдельных ком-

плексов. Начало неолита, с учетом надежных дат из представительных серий, определяется не ранее 6300 кал. л. до н. э. Вместе с тем имеется несколько ¹⁴C дат рубежа VIII–VII — первой половины VII тыс. до н. э., что, возможно, в будущем позволит скорректировать границу начала эпохи в сторону удрежнения.

В Нижнем Приобье к раннему неолиту отнесены древности амнинского типа (рис. 2, 48, 49, 54); в Сургутском Приобье — каюковского типа (Каюково 1, 2, Микишкино V), а также жилища 7, 15, 16 поселения Барсова гора II/9 и жилище 1 поселения Чёрная 3 (рис. 2, 52, 53). Ранний неолит бассейна р. Конды выделен по материалам памятников мулымьинского типа: Мулымья 3, Сумпанья II, IV, VI (рис. 2, 44, 45, 46, 47). Посуда перечисленных комплексов объединена в рамках первой керамической традиции. В Надым-Пуровском междуречье к ранне-неолитическому периоду отнесено поселение Ет-то I, керамика еттовского типа представляет вторую керамическую традицию

³ См.: Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 216–228; Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л. Хронология и периодизация неолита таежной зоны Западной Сибири // Тверской археологический сборник. Тверь, 2021. Вып. 12. С. 11–29.

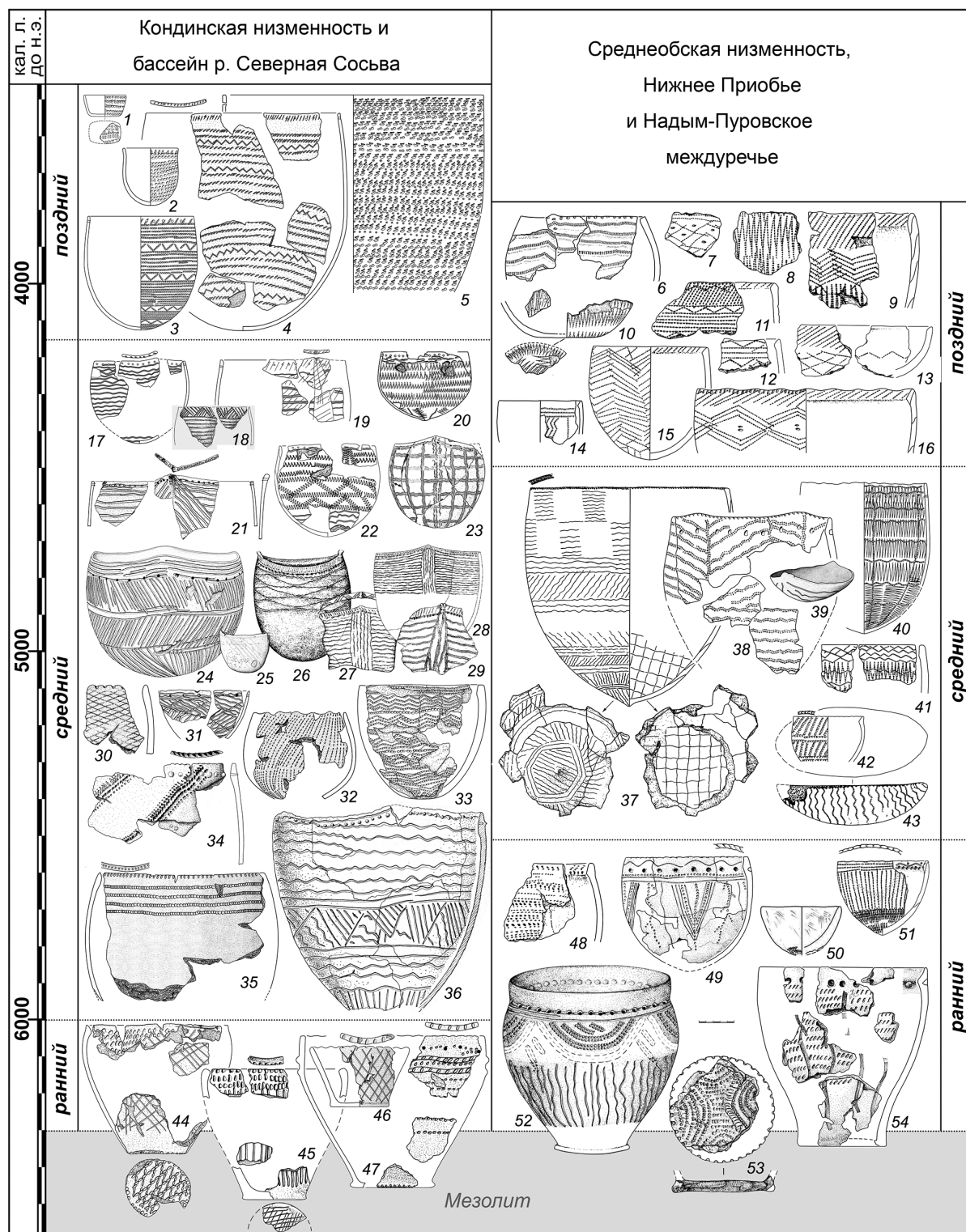

Рис. 2. Хронология и периодизация эпохи неолита севера Западной Сибири.

Типы керамики: 1–5 — ушьянский; 6, 10, 14, 38, 40–43 — барсовогорской группы памятников; 7–9, 11–13, 15, 16 — керамика с гребенчатой орнаментацией; 17–25, 31 — умыгьянский; 26–29 — чэстыгьянский; 30, 32, 35 — немнелский; 33 — шоушминский; 34, 36 — сумпаньянский; 37, 39 — быстринский; 44–47 — мулымьянский; 48, 49, 54 — амнинский; 50, 51 — еттовский; 52, 53 — каюковский

Памятники: 1–3, 5, 24, 25 — Большая Умыгья 100; 6, 10, 14 — Барсова гора IV/5; 7–9, 11–13, 15, 16 — Барсова гора I/8а; 17, 19, 20, 22 — Большая Умыгья 109; 18 — Усть-Тегер 1; 21 — Большая Умыгья 57; 23 — Большая Умыгья 2; 26–29 — Чэс-тгья-яг; 31 — Большая Умыгья 9; 30 — Мулымья 4; 32, 34 — Леуши VII; 33 — Шоушма 10; 35, 44, 46, 47 — Мулымья 3; 36, 45 — Сумпанья IV; 37 — Быстрый Кульгган 66; 38 — Барсова гора II/16; 39 — Кушниково 2; 40 — Барсова гора I/5а; 41 — Барсова гора II/16; 42, 43 — Барсова гора II/17; 48, 49, 54 — Амня I; 52, 53 — Каюково 2

(рис. 2, 50, 51). Результатом взаимодействия носителей первой и второй керамической традиции явилось сложение двухкомпонентного комплекса посуды амнинского типа городища Амня I.

Средний период неолита охарактеризован древностями быстринско-умытгинского культурно-хронологического горизонта (далее — КХГ).⁴ В Сургутском Приобье к этому горизонту отнесены памятники быстринской культуры Быстрый Кульёган 66, Чёрная 3, Пыхты I, Барсова гора II/8, II/19, II/42 (жилища 1б, 2, 6, 15), Кушниково 2, 8 (рис. 2, 37, 39); на левобережье Оби — поселение Колунгтотытор 1;⁵ в бассейне р. Конды — памятники умытгинского типа Большая Умытъя 9, 57, 100, 109 (рис. 2, 17–25, 31) и поселение Чилимка V; в бассейне р. Северной Сосьвы — поселение Чэс-тый-яг⁶ (рис. 2, 26–29). Посуда памятников быстринско-умытгинского КХГ демонстрирует схожие навыки производства и представляет третью традицию керамического производства.

К среднему периоду неолита отнесены также памятники другого культурного облика: 1) поселения первой и третьей стадии барсовогорской группы — Барсова гора II/16, II/17, I/5а, II/9а, II/42 (жилище 1в) (рис. 2, 38, 40–43); 2) комплексы с накольчатой орнаментацией посуды — жилища 6, 7 поселения Барсова гора II/8, Большой Ларьяк II; 3) плоскодонная посуда с накольчатой орнаментацией поселений Барсова гора II/22, II/10 (жилище 13), II/8 (жилище 2). Возможно, в этот же период в Сургутском Приобье появляется и посуда с гребенчатым декором — Барсова гора I/8, II/9 (рис. 2, 7–9, 11–13, 15, 16).⁷ В бассейне р. Конды существуют памятники шоушминского (рис. 2, 33), сумпаньинского (рис. 2, 34, 36), немнёлского типов (рис. 3, 30, 32, 35).⁸ Барсовогорская, сумпаньинская и немнёлская керамика обладает

смешанными чертами и отнесена к четвертой традиции керамического производства.

Объекты позднего неолита на правобережье Нижнего Приобья неизвестны. В среднем течении Оби, в Сургутской низине, к этому периоду отнесены памятники второй стадии барсовогорской группы — поселения Барсова гора IV/5 (жилище 10), II/10 (жилище 1); комплексы с толстостенной, слабо орнаментированной керамикой — Нёх-Урий 3.1⁹ и Барсова гора II/42 (рис. 2, 6, 10). Поздний неолит р. Конды характеризуется памятниками ушьинского типа Большая Умытъя 8, 100, Усть-Тетер 1 (рис. 2, 1–5). Ранее ушьинский тип рассматривался в контексте энеолита.¹⁰ Дискуссионной остается атрибуция комплексов «кошкинского» типа с плоскодонной посудой поселения Сумпанья III¹¹ и раскопа III поселения Геологическое XVI.¹²

Хозяйство

Неолитическое население таежной зоны вело присваивающее охотничье-рыболовческое хозяйство. Видовой состав добываемых животных оставался стабильным на протяжении всего неолита. На поселениях обнаружены кости северного оленя, лося, бобра, а также волка, соболя, зайца и птиц. Местные виды ихтиофауны представлены костями щуки, окуня, налима, сиговых и карповых. На поселениях Усть-Тетер 1 и Большая Умытъя 109.1 изучены ямы для квашения рыбы.

Активные и пассивные способы индивидуальной охоты с использованием лука и самострелов дополнялись ямами-ловушками на копытных животных (Вора-яха 1),¹³ сооружение которых требовало коллективного участия. Возможно, с эпохи неолита началось становление запорного рыболовства. Лингвистические данные свидетельствуют о его раннем появлении в финно-угорском мире.¹⁴

⁴ См.: Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Поселение Чилимка V и его место в неолите таежной зоны Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 145.

⁵ См.: Виноградов А. С. Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1 в Нефтеюганском районе ХМАО — Югры в 2017 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 296–312.

⁶ См.: Виноградов А. С. Керамика неолитического поселения Чэс-Тый-Яг: культурно-хронологический аспект // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. С. 52–53.

⁷ См.: Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008; Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л. Указ. соч. С. 11–29.

⁸ См.: Клементьева Т. Ю. Неолит среднетаежной зоны Западной Сибири: бассейн р. Конды: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2024.

⁹ См.: Данилова Е. Н. Раскопки селища Нёх-Урий 3.1 в Нижневартовском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 447–458.

¹⁰ См.: Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009. С. 173–178.

¹¹ См.: Ковалева В. Т. Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таежной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 123–134.

¹² См.: Кокшаров С. Ф., Зырянова С. Ю. Неолитические комплексы поселения Геологическое XVI // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 185–198.

¹³ См.: История Ямала: в 2 т. Екатеринбург, 2010. Т. 1, кн. 1. С. 41.

¹⁴ См.: Федорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., 2000. С. 37.

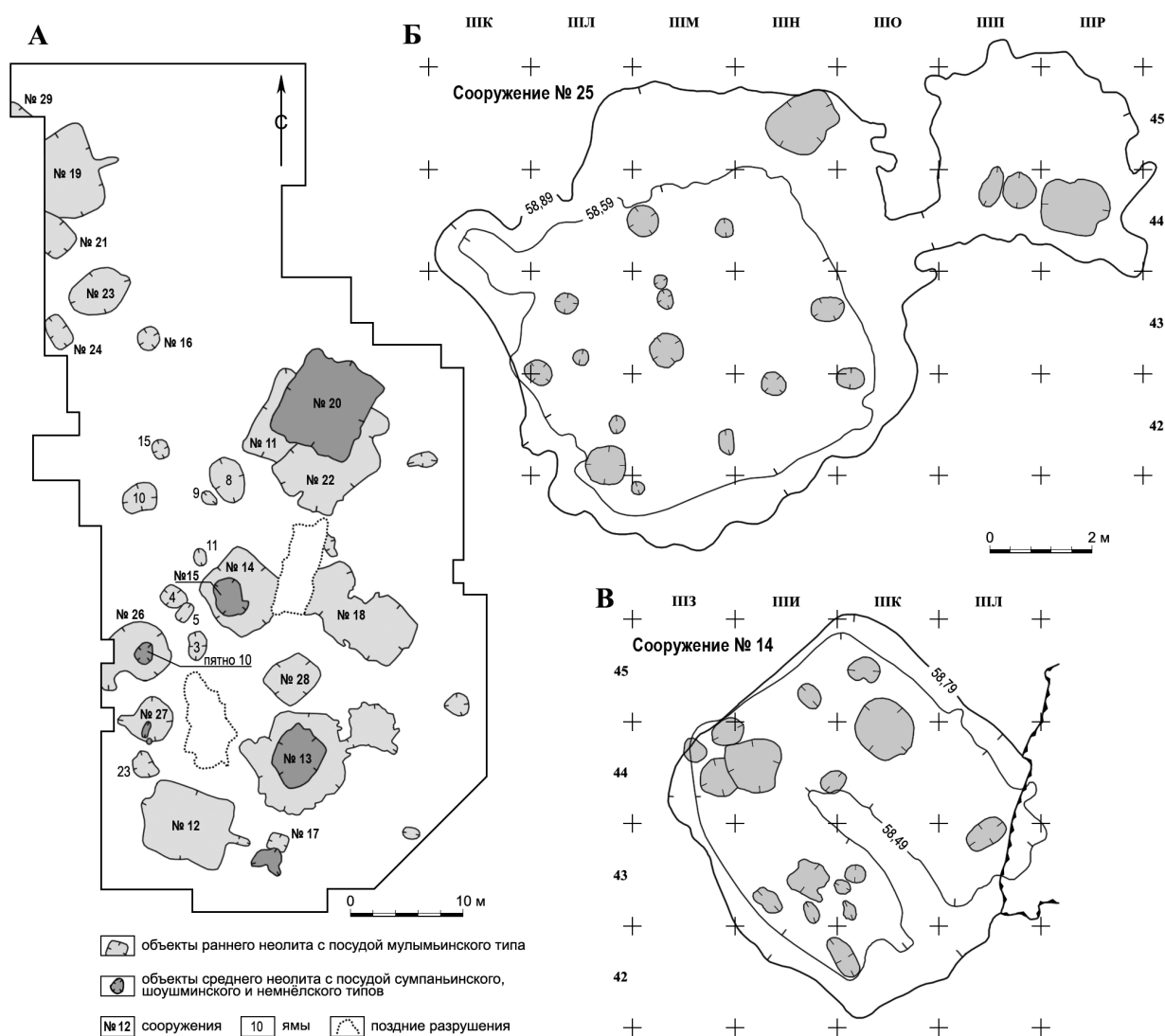

Рис. 3. Поселения и жилища эпохи неолита севера Западной Сибири. Поселение раннего неолита Мулымья 3: А — план раскопа с неолитическими сооружениями; Б — сооружение № 25; В — сооружение № 14

Поселения и жилища

Максимальная продуктивность присваивающего хозяйства стала возможной при относительной оседлости рыболовов и охотников. Сезонность промыслов определяла места кратковременного и долговременного проживания. Стационарные жилища в местах длительного проживания представлены землянками и полужемлянками и известны в западносибирской тайге с мезолита.¹⁵ Это постройки из двух соединенных переходом камер (Мулымья 3, Шоушма 10, Усть-Тетер 1) или одного котлована, разделенного земляной перемычкой (Ет-то I, Барсова гора II/16а, Мулымья 3)

(рис. 3, Б), а также обычные однокамерные (рис. 3, А, В). Наземные жилища изучены как в местах длительного проживания (Мулымья 3, Большая Умытья 9 и 100), так и на сезонных стоянках (Олымья 28). У групп разнокультурного населения сложились сходные традиции возведения углубленных каркасно-столбовых жилищ с такими конструктивными деталями, как опорные столбы вдоль стен, пристенные канавки, напольные очаги, земляные уступы — нары, коридорообразный выход. В некоторых жилищах рядом с очагом или в стенных нишах сооружались хозяйственные ямы; пол и земляные нары посыпались охрой.

В VI–V тыс. до н. э. в планировке поселений появляются ограждения. Одним из видов ограждений является неглубокий прерывистый ров по периметру жилища (Быстрый

¹⁵ См.: Беспрозванный Е. М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 26–38.

Кульёган 66¹⁶) или вдоль небольшого участка его внешней стены (Большая Умыгтя 9). Другим видом является загородь, которую фиксируют по канавкам.¹⁷ На поселении Большая Умыгтя 109.1 канавка ограничивала прямоугольную площадку на краю террасы. Другим вариантом является ограждение углубленного жилища и наземной части поселения (Большая Умыгтя 9 и 57). Предполагается, что прерывистые рвы не выполняли оборонительных функций, а являлись элементами дренажа и сооружались в процессе строительства жилищ.¹⁸

Изучение численности обитавших, длительности функционирования жилищ и причин, по которым они были покинуты, в системном виде не проводилось. Предполагается, что размеры и планировка жилищ, количество и состав артефактов в них обусловлены размером коллектива и продолжительностью проживания. В раннем неолите площадь жилищ составляла 20–50 кв. м, в среднем неолите иногда достигала 130–180 кв. м. На поселениях быстринско-умыгтынского КХГ крупные постройки интерпретируются как долговременные и круглогодичные, с полным циклом хозяйственной деятельности, а сооружения меньших размеров — как сезонные.¹⁹ В позднем неолите площадь жилищ редко превышала 50–60 кв. м. Во все периоды наряду с большими постройками на поселениях существовали и малые, площадью 10–30 кв. м. Вероятно, в системе жизнедеятельности неолитического населения сезонные перекочевки с соответствующей специализацией жилищ играли немаловажную роль.

Укрепленные поселения — городища

В эпоху неолита на севере Западной Сибири появляются укрепленные поселения — городища. Мысовые городища имели несколько линий укреплений из валов, частокола и рвов. Примером такого памятника является городище Амня I.²⁰ Не исключено, что рядом распо-

лагался неукрепленный посад — часть объектов поселения Амня II. Возможно, к мысовому типу укрепленных поселений относится Мишкино V.²¹ Городище Каюково 2 расположено на возвышенности по центру узкой гривы между озером и небольшой рекой. Центральное жилище этого комплекса соединялось коридорами с пятью меньшими по размеру котлованами по его периметру.²² По радиоуглеродному датированию установлено, что городища Амня I и Каюково 2 были построены в раннем неолите.²³ О существовании и других памятников с похожей планировкой и керамикой на севере Западной Сибири известно по разведочным материалам.²⁴ В изучении таких объектов актуальны вопросы об их структуре и функции, а также о преемственности между городищами каменного века и последующих эпох. В бассейне р. Аган известны мысовые городища Имнъёган 2.1 и Нёх-урий 3.3 последней трети IV — середины III тыс. до н. э. Можно ли рассматривать эти объекты как возрождение традиции или же укрепленные поселения существовали на протяжении всего неолита? Этот вопрос пока остается открытым.

О причинах строительства городищ в раннем неолите существуют различные предположения. Возможно, это было связано с контролем над промысловой территорией, сбережением ресурсов, страхом и потребностью в защите или с желанием подчеркнуть свой сакральный и/или социальный (?) статус. Появление укрепленных поселений, по мнению В. А. Борзунова, диктовалось конфликтами между равными по силе коллективами из-за богатых угодий.²⁵ Однако с этой гипотезой трудно согласиться, учитывая слабую заселенность тайги в неолите, дисперсное проживание небольших общин, обилие незанятых земель.

Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 93–111.

²¹ См.: Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 113.

²² См.: Там же. С. 112.

²³ См.: Новые исследования городища раннего неолита Каюково-2 на севере Западной Сибири / Кардаш О. В. [и др.] // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 109–124; The world's oldest-known promontory fort: Amnya and the acceleration of hunter-gatherer diversity in Siberia 8000 years ago / Piezonka H. [et al.] // *Antiquity*. 2023. Vol. 97, iss. 396. P. 1381–1401.

²⁴ См.: Качнисап 2 — новый памятник каюковской археологической культуры / Кардаш О. В. [и др.] // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 132–138.

²⁵ См.: Борзунов В. А. Древние укрепления лесной полосы Урала и Западной Сибири: в 4 т. Екатеринбург, 2020. Т. 1. С. 349–353.

¹⁶ См.: Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2006; Виноградов А. С. Указ. соч. С. 296–312.

¹⁷ См.: Клементьева Т. Ю., Круземент С. А., Погодин А. А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // *Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина*. М., 2012. С. 497–524.

¹⁸ См.: Поселение Быстрый Кульёган... С. 34.

¹⁹ См.: Косинская Л. Л. Взгляд археолога на западносибирскую этнографию: некоторые аспекты археологических реконструкций // *Тверской археологический сборник*. Тверь, 2006. Вып. 6, т. 1. С. 22.

²⁰ См.: Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) //

О производственных традициях и навыках труда неолитического населения можно судить лишь по немногочисленным сохранившимся орудиям труда и утвари. В песчаных подзолистых почвах таежной зоны Западной Сибири редко сохраняются изделия из органических материалов. В основном это мелкие обожженные обломки игловидных орудий и гарпунов, а также костяных частей вкладышевых орудий (Амня 1, Усть-Тетер 1, Большая Умытъя 100). На поселениях и в погребениях позднего неолита найдены каплевидные подвески и костяной бисер (Большая Умытъя 9, 100, Усть-Тетер 1). Единичны изделия из бересты (Чертова гора).²⁶ По аналогии с материалами сопредельных территорий²⁷ можно предполагать высокий уровень косторезного производства и деревообработки у неолитического населения региона. Из волокнистых растительных материалов изготавливали веревки, отпечатки которых зафиксированы на керамике. В быту и обрядах использовались различные красители, в основном на основе окислов железа (желтого, красного, малинового, коричневого цвета), угля (черного цвета) и нежелезистой глины (белого цвета). Охра различных оттенков, от красного до бордового, применялась для посыпки пола в жилищах, окрашивания посуды, засыпки могил.

Наиболее информативными категориями находок являются каменные орудия и керамика. Север Западной Сибири характеризуется дефицитом качественных пород камня. Для изготовления орудий неолитическое население пользовалось местным слабоизотропным сырьем. На водоразделе рек Надым и Пур на памятнике раннего неолита Ет-то II исследованы ямы для добычи галечного сырья — подобие примитивных шахт.²⁸

Одним из вариантов технологической адаптации к «низкокачественным» породам являлась кварцево-сланцевая индустрия, обеспечивавшая населению сырьевую независимость и автономность.²⁹ Эта индустрия была ориенти-

рована на получение отщепов-заготовок ударной и контрударной техникой. В раннем неолите частично сохранялась и мезолитическая микропластинчатая техника (рис. 4, 46, 49, 50, 52, 53, 55). К среднему неолиту высокого уровня достигает производство шлифованных орудий — ножей с треугольным клинком, листовидных наконечников стрел, тесел (рис. 4, 9, 17, 23, 27, 29, 30, 34, 35, 39, 40, 41, 54, 57, 58). О большом значении абразивной техники свидетельствуют каменные шлифовальные оселки и плиты, а также глиняные полуцилиндрические или уплощенные бруски. Инструменты из глины нередко украшены насечками и волнистыми линиями (рис. 5, 9). В позднем неолите на памятниках ушшинского типа появляются наконечники кельтеминарского типа (рис. 4, 3) и гребенчатые штампы (рис. 4, 1).

Керамическая посуда — основной маркер неолитической эпохи, по ней определяется разнообразие технологических приемов, форм и способов орнаментации. При комплексном изучении 50 базовых керамических коллекций выявлено четыре традиции производства посуды.³⁰ Важно отметить, что уже с раннего неолита появляются керамические комплексы со смешанными чертами в морфологии, технологии и особенно в орнаментации, что объясняется тесными контактами в таежных обществах на протяжении всего неолита.

При рассмотрении керамики как источника по реконструкции хозяйственной деятельности неолитического населения решаются вопросы о количестве и размерном ассортименте глиняной посуды в сезонных и долговременных жилищах, о специфике использования емкостей разных форм и объемов.³¹ Глиняная посуда разнообразна по формам, но в каждом периоде неолита прослеживаются свои закономерности: плоскодонные банки и горшки распространены в раннем неолите, округлодонные банки — в среднем и позднем; ладьевидные сосуды — признак среднего неолита. Объемы емкостей варьируются от 0,1 до 31 л. Предполагается, что на поселениях имелась посуда как индивидуального, так и коллективного использования. Нагар на сосудах малого и среднего объема, вероятно, связан с их применением в качестве кухонной утвари. Крупные

²⁶ См.: Сладкова Л. Н. Чертова гора — неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 147–158.

²⁷ См.: Скочина С. Н. Костяной и роговой инвентарь кошкинской культуры с поселения Мергень-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 25–36; Чаиркина Н. М. Торфяниковые памятники Урала, Восточной и Западной Европы. СПб., 2022. С. 177, 178.

²⁸ См.: Косинская Л. Л., Юдина Е. А. Древние каменные копи Надым-Пуровского водораздела // IV Северный археологический конгресс. Екатеринбург, 2015. С. 80–82.

²⁹ См.: Косинская Л. Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 13–24.

³⁰ См.: Дубовцева Е. Н. Указ. соч.

³¹ См.: Клементьева Т. Ю. Поселенческая посуда эпохи неолита Кондинского бассейна. В печати.

сосуды без нагара, скорее всего, предназначались для хранения пищевых продуктов.

Ритуальные практики неолитического населения отражены в орнаментах на посуде, мелкой пластике, святилищах и погребальных комплексах.

В графических орнаментах на глиняной посуде преобладают монотонные линейные композиции, геометрические мотивы в разные периоды эпохи специфичны. В раннем неолите это треугольные фигуры, обращенные вершинами вниз (рис. 2, 49); в среднем — треугольники вершинами вверх или столбцы, разбивающие горизонтальный орнамент (рис. 2, 19, 21, 27, 28, 29), взаимопроникающие треугольные зоны (рис. 2, 18, 36), древовидный мотив (рис. 2, 38) и др. Пояса из треугольных заштрихованных фигур с отростками на сосудах среднего неолита интерпретируются исследователями как образы водоплавающих птиц, отражающие сюжет древнего космогонического мифа о ныряющей птице (рис. 5, 2, 3).³² В скульптурном декоре посуды раннего и среднего неолита установлены хронологические особенности. Для раннего периода характерно украшение верхней части сосудов налепными декорированными валиками и стилизованными налестками по краю (рис. 2, 47; 5, 1). Налестки на сосудах среднего и позднего неолита также часто стилизованы (рис. 2, 21, 26, 27, 29; 5, 4), но встречаются условно зооморфные и орнитоморфные образы (рис. 5, 8). Предполагается, что орнаменты на керамике, нанесенные естественными орнаментирами, связаны с тотемными предками. Отпечатки на сосудах челюстей и костей животных могли восприниматься как след зверя и иметь функцию оберега и родового знака.

Глиняная пластика на неолитических поселениях малочисленна и невыразительна (рис. 5, 5, 6). Среди узнаваемых — образ водоплавающей птицы (рис. 5, 7, 13) и части тела человека (рис. 5, 10). Уникальна каменная антропоморфная скульптурка (рис. 5, 12).

Места неолитических святилищ в таежном ландшафте определяются по искусственным холмам с кольцевым рвом. Их ареалом является Северное Зауралье (Кокшаровский, Усть-Вагильский, Махтыльский и др.) и Кондинская низменность (Вишня 9, Супра 4, Мулымьинское 9, Канда, Сотник 3 и др.). К холмам-святилищам на р. Конде также отнесена Чертова

гора.³³ Признаками ритуальных действий на культовых холмах являются: погребальные и жертвенные комплексы; многократная подсыпка грунта; следы интенсивного воздействия огня; использование белой глины и охры в качестве красителей; отличный от поселенческого набор предметов — сосуды с зооморфными налестками, «утюжки», каменные и глиняные поделки и др.³⁴ Предполагают, что изначально, с рубежа VII–VI тыс. до н. э., искусственные насыпи возникали на местах древних поселений или жертвенников, культовые действия на этих святилищах продолжались на всем протяжении неолита и в последующие эпохи.

Погребальные памятники эпохи камня изучены в небольшом количестве при исследовании поселенческих комплексов.³⁵ Могильники расположены на высоких речных террасах, захоронения проводились рядами (Большая Умытъя 100, Неушья 2.1, Кулунигый 64). Помимо этого одиночные погребения изучены на территории поселений (Большая Умытъя 8, 9, 100, Мулымья 3 и 4). Могилы ориентированы преимущественно по направлению северо-запад — юго-восток. Ямы подпрямоугольные или овальные, приближены по размерам к параметрам тела, уложенного в горизонтальном положении. Их глубина варьируется от 0,2 до 1,5 м, что могло быть связано с сезонностью захоронений, причиной смерти, социальным статусом погребенного и др.

Практиковались два способа обращения с останками умерших — кремация (Неушья 2.1, Мулымья 3 и 4) и ингумация (Большая Умытъя 2, 9). Обе практики представлены в ритуальном могильнике Большая Умытъя 100. При труположении преобладают одиночные погребения с горизонтальным положением тела и вытянутыми вдоль туловища руками. Возможно, перед помещением в могилу усопших «пеленали», пересыпая охрой. Частичная или полная кремация проводилась на стороне, останки компактно помещали по центру ям, параметры которых близки к ямам с труположением. Посыпка охрой присутствует почти

³³ См.: Сладкова Л. Н. Указ. соч.

³⁴ См.: Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 32–42; Сладкова Л. Н. Указ. соч. С. 147–158.

³⁵ См.: Клементьева Т. Ю., Погодина А. А. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 131–141; Дудко А. А., Васильева Ю. А. Хронология грунтового могильника Кулунигый 64 (бассейн р. Большой Юган) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Самара, 2020. Т. 1. С. 141, 142.

³² См.: Поселение Быстрый Кульган 66... С. 18.

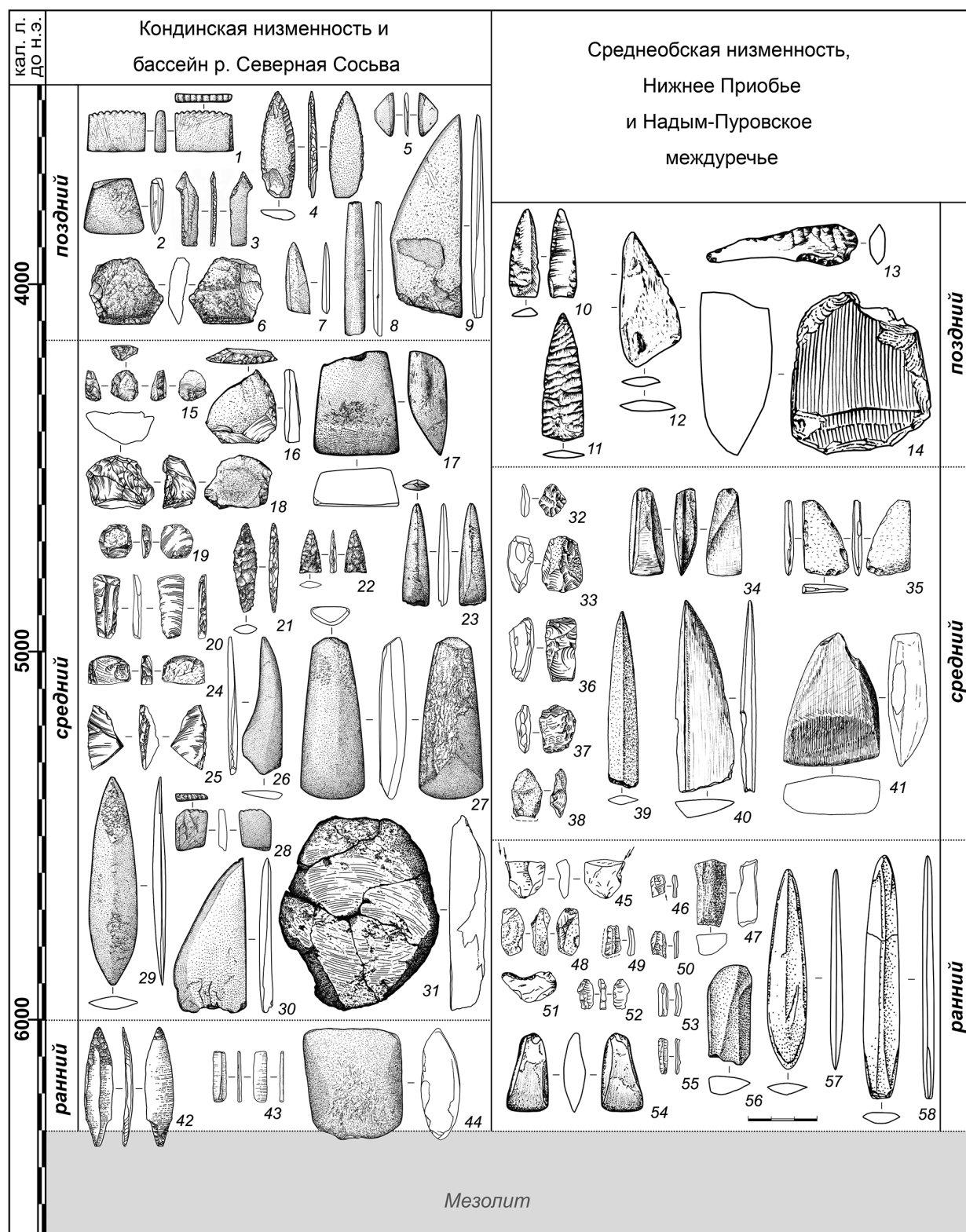

Рис. 4. Каменный инвентарь неолитических памятников севера Западной Сибири:

1, 28 — гребенчатые штампы; 2, 14, 17, 27, 34, 41, 44, 54 — тесла; 3, 4, 7, 8, 10, 11, 21–23, 32, 39, 42, 57, 58 — наконечники стрел; 5, 9, 12, 13, 26, 30, 35, 40, 51, 56 — ножи; 6 — пила по камню; 15, 16, 19, 20, 24 — скребки; 16 — ядрище контрударное; 25 — сверло-провертка; 31 — абразив; 33, 37, 38 — долотовидные орудия; 36, 45 — нуклеусы; 43 — пластина; 46, 49, 50, 52, 53, 55 — микропластины; 47 — брусок-оселок; 48 — пренуклеус

Памятники: 1–9, 15–18, 21–23, 27, 31 — Большая Умытъя 100; 10–14 — Барсова гора IV/5; 19, 20, 24, 25 — Шоушма 10; 26, 28 — Мулымья 4; 29, 30 — Большая Умытъя 9; 32–41 — Быстрый Кульёган 66; 42–44 — Мулымья 3; 46–50, 52–55 — Черная 3; 45, 51, 54, 56–58 — Амня I

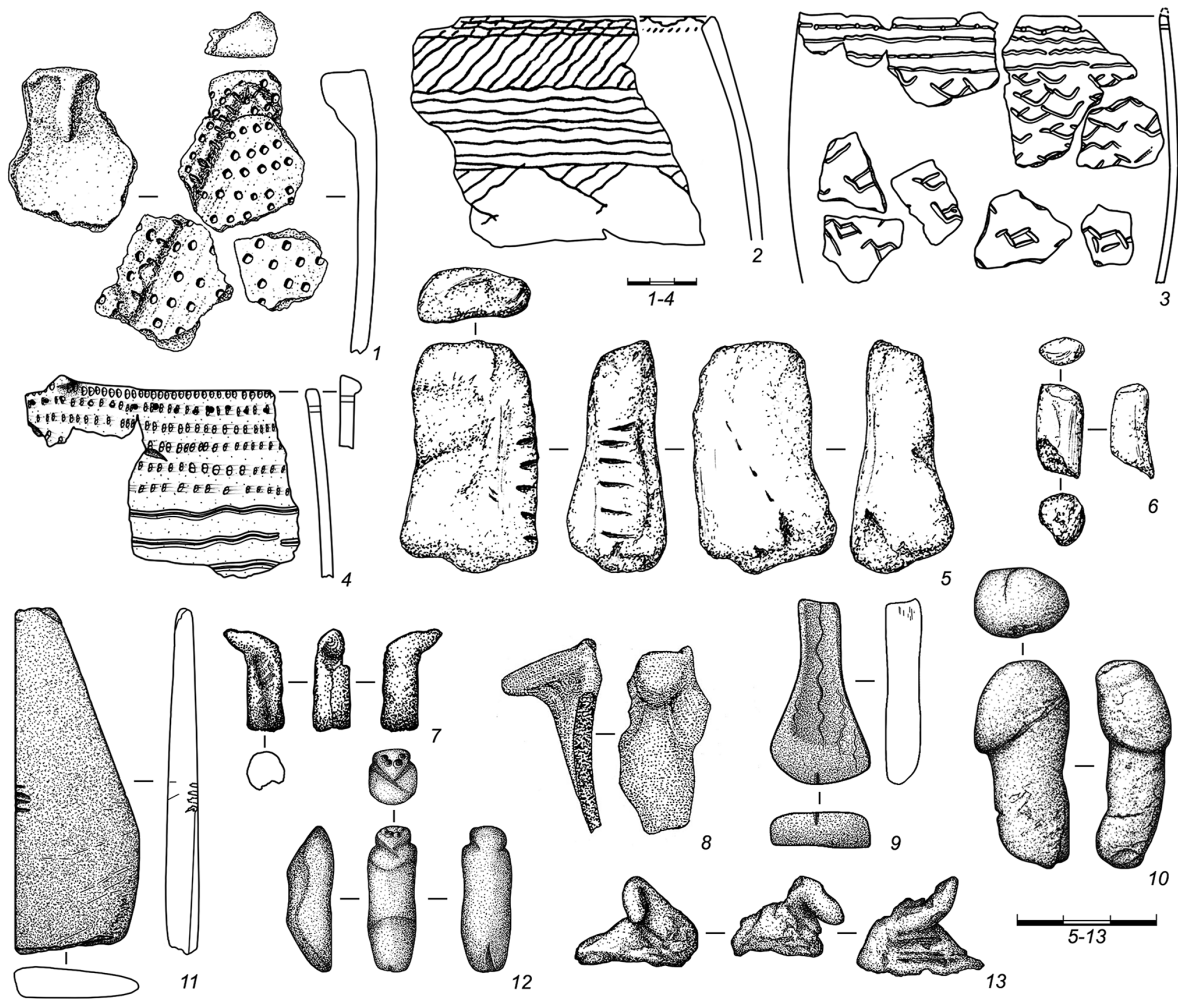

Рис. 5. «Образы» в орнаментах и пластике:

1-4, 8 — керамика; 5-7, 10, 13 — поделки из глины; 9 — орнаментированный абразивный брусок из глины; 11 — шлифованный сланцевый нож с гравировкой; 12 — антропоморфная скульптурка из камня
Памятники раннего (1, 5, 6, 9), среднего (2-4, 7, 8, 10, 11) и позднего (12, 13) неолита: 1 — Сумпанья II; 2 — Быстрый Кульгёган 66; 3, 13 — Большая Умытъя 100; 4, 7 — Большая Умытъя 57; 5, 6 — Чёрная 3; 8 — Чэс-тый-яг; 9 — Барсова гора II/9; 10 — Чилимка V; 11 — Усть-Тетер 1; 12 — Большая Умытъя 8

во всех погребениях. Количество вещей в могилах различно. Умерших сопровождали орудия для обработки дерева (тесла, стамеска, струг) и охоты (наконечники стрел и копий), заготовки (пренуклеус), отщепы и пластины; украшения из камня, смолы и кости; керамика; мелкая глиняная пластика; иногда кости зверей. Вещи специально подготавливались для захоронения. Имело место особое отношение к черепам умерших. Большинство из них маркировано охрой. Из черепа человека изготовлен перфорированный диск и, возможно, «чаша» (Большая Умытъя 100).

Заключение

В изучении неолита севера Западной Сибири сохраняют актуальность вопросы о времени появления и распространения керамики, оз-

наменовавшей начало эпохи в регионе; о роли внутренних, внешних и экологических факторов в формировании многочисленных археологических культур и типов памятников.

В системе хозяйства, принципах домостроения, обработке камня и погребальном обряде неолитического населения региона не происходило принципиальных перемен, напротив, отмечается преимущество их развития. Вместе с тем прослеживается и включенность населения таежных областей в культурные процессы Северной Евразии, что отразилось в сходстве основных категорий культуры.

Каменная индустрия раннего неолита в значительной степени наследует особенности местного мезолита. Вместе с тем традиции домостроения и обработки камня в этот период отчасти сходны с традициями мезолитического

и раннеолитического населения лесной зоны Европейской части России. Ареал строительства двухкамерных построек в VIII–VII тыс. до н. э. охватывает большую территорию лесной зоны Северной Евразии: бассейн р. Конды, Камско-Вятское междуречье, Среднее и Верхнее Поволжье, Карелию. Контекстные находки на памятнике раннего неолита Мулымья 3 ретушированных черешковых наконечников стрел на пластинах показывают возможные связи с Европейской частью России, где этот тип изделий распространен в культурах мезолита.³⁶

Основные черты погребального обряда оформляются в эпоху мезолита и существуют до конца эпохи камня. Хронологически различия между погребениями эпох мезолита и неолита определяются главным образом по облику погребального инвентаря. Наблюдается сходство традиций погребального обряда неолитического населения Кондинской и Среднеобской низменностей, Зауралья, Тюменского Приобья и отчасти Тоболо-Ишимья.³⁷

В дискуссиях о появлении и распространении керамики представлены три концепции. Миграционная предполагает становление раннеолитических культур Урало-Западносибирского региона в результате прямых и неоднократных миграций населения из Поволжья, Северного Прикаспия, Приаралья и Казахстана.³⁸ Импульсом подвижек населения в лесную зону, приведшим к распространению керамического производства, могли послужить климатические изменения. Согласно автохтонной концепции, формирование неолитической культуры происходило на местной основе,³⁹ а распространение гончарной технологии в по-

следней трети VII тыс. до н. э. не привело к видимым изменениям в хозяйственном укладе местного населения; в домостроительстве и каменной индустрии прослеживается преемственность с мезолитической культурой.⁴⁰ Диффузионная концепция объясняет распространение керамической технологии через инфильтрацию в местные сообщества небольших по численности инородных групп или индивидов. Следует отметить, что высокий технологический уровень, общность морфологии и орнаментации посуды раннего неолита свидетельствуют об устойчивых связях населения лесостепной и лесной зон Западной Сибири.

В раннем неолите Западной Сибири ведущей традицией в гончарстве является изготовление плоскодонной посуды и декорирование ее в накольчатой и прочерченной техниках. Она распространена в бассейнах Оби и Иртыша. Наиболее южными являются комплексы Барабинской лесостепи — Тартас 1, Усть-Тартас, Автодром 2,⁴¹ а северными — памятники Нижнего Приобья — Амня I. Сходство в технологии изготовления посуды, морфологии и орнаментации прослеживаются и между ранней керамикой Нижнего Приобья, Северного Зауралья и ранней накольчатой керамикой Прикамья и Европейского Северо-Востока.⁴² Генезис керамики с гребенчатой орнаментацией не установлен — памятники немногочисленны, расположены в северо-таежной подзоне Западной Сибири. Предполагается, что истоки этой традиции находятся на востоке.⁴³

Для среднего неолита характерно большее разнообразие керамических типов. Наиболее яркой и многочисленной в это время является посуда быстринско-умытгинского КХГ с ареалом в Кондинской и Среднеобской низменности и единичными памятниками в Нижнем Приобье и Юганско-Салымском междуречье.

³⁶ См.: Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006. С. 43; Сорокин А. Н. Пургасовская культура: к 30-летию изучения // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 239. С. 314.

³⁷ См.: Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культурной площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург, 2011. С. 49–119; Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Слепченко С. М. Неолитические погребения в поселенческих комплексах на оз. Мергень // IV Северный археологический конгресс. Екатеринбург, 2015. С. 72–74; Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск, 2001. Т. 1. С. 24.

³⁸ См.: Зах В. А., Еньшин Д. Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник КемГУ. 2015. № 2 (62), т. 6. С. 34–43; Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Ближневосточный след в неолитической культуре Среднего Зауралья // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2007. № 49, вып. 13. С. 5–18.

³⁹ См.: Барабинская культура раннего неолита / Молодин В. И. [и др.] // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 69–93.

⁴⁰ См.: Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация... С. 216–228.

⁴¹ См.: Бобров В. В. К проблеме исследования «плоскодонного» неолита Западной Сибири (хроностратиграфический аспект) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 150–163; Барабинская культура раннего неолита... С. 69–93.

⁴² См.: Лычагина Е. Л. Ранний неолит Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 50–57; Карманов В. Н. Неолитическое население на европейском Северо-Востоке: обитание или пребывание? // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина. М., 2012. С. 419–446; Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 103–124.

⁴³ См.: Косинская Л. Л. Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 30–40.

Сходство керамики умытгинского, быстринского и чэстыйгского типов с материалами Барабы, Среднего Прииртышья и южных районов Васюганья⁴⁴ привело к формированию миграционной гипотезы появления такой посуды в таежных районах Западной Сибири.⁴⁵ Однако новые данные о хронологии памятников быстринско-умытгинского КХГ и лесостепных комплексов Барабы и Среднего Прииртышья не подтверждают эту гипотезу.⁴⁶

Сходство орнаментов шоушминской и кокшаровско-юринской посуды, возможно, указывает на единое культурное пространство Зауралья и бассейна р. Конды. Относительно каюковской посуды Югано-Салымского междуречья, декор которой в общих чертах похож на шоушминский и кокшаровско-юринский орнамент, не сложилось единого мнения. Вопрос о включении ее в это культурное пространство требует более подробного рассмотрения.

С позднего неолита прослеживается усиление культурной дифференциации памятников

Среднеобской и Кондинской низменностей. В Сургутском Приобье продолжает бытовать посуда барсовогорского типа со смешанными чертами в орнаментации и морфологии. В бассейне р. Конды на смену умытгинским приходят памятники ушьинского типа. В керамическом производстве наследуются основные навыки изготовления посуды, но происходит переход от волнисто-прочерченной и шагающе-гребенчатой техники орнаментации к печатно-гребенчатой. Отмечается сходство ушьинской посуды с керамикой шuvaкишского типа Среднего Зауралья и шапкульской культуры Тюменского Притоболя.

По керамике прослеживаются два основных направления культурных связей. Первое, в западной части Урало-Западносибирского региона — вдоль восточных склонов Уральского хребта (левобережье речной системы Тобол — Иртыш — Нижняя Обь). Второе направление, восточное — по речной системе Иртыш — Обь (лесостепное Обь-Иртышье — Среднее Приобье — правобережье Нижней Оби).

Ekaterina N. Dubovtseva

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ket1980@yandex.ru

Tatiana Yu. Klementieva

Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS; SAC “AV KOM — Nasledie” (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: klementjevat@yandex.ru

Lyubov L. Kosinskaya

Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: kosinskaya4949@mail.ru

Andrey A. Pogodin

Researcher, SAC “AV KOM — Nasledie” (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: pogodin1966@yandex.ru

Natalia M. Chairkina

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: chair_n@mail.ru

THE TAIGA ZONE NEOLITHIC OF WESTERN SIBERIA: MAIN RESULTS

More than 400 Neolithic sites are known in the taiga zone of Western Siberia. Based on radiocarbon data, stratigraphic observations and pottery typology in the Neolithic of the territory under consideration, three periods have been identified — early, middle and late. In the mid-7th — early

⁴⁴ См.: Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 — памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1. С. 58–59.

⁴⁵ См.: Поселение Быстрый Кульеган 66... С. 63, 64.

⁴⁶ См.: Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Указ. соч. С. 146.

6th millennium BC a number of cultural innovations appear — pottery, improvement of appropriation type of economy, less mobile way of life — manifested in construction of stationary dwellings, few fortified settlements and cult hills. Beginning with the Middle Neolithic, there are signs of the formation of an annual economic cycle, and population density increases. The ideology of the Neolithic population is reflected in a variety of ritual practices, ornamental art, figurines depicting animals, less often, humans. The ceramics reveals cultural links between individual collectives of the taiga zone of Western Siberia and the population of adjacent territories: in the western part of the Ural-West Siberian region — along the eastern slopes of the Ural ridge; in more eastern areas — along the river system Irtysh — Ob.

Keywords: *taiga zone of Western Siberia, Neolithic, chronology, periodization, economy, way of life, ritual practice, funeral rites, cultural relations*

REFERENCES

- Akademicheskaya istoriya Yugry* [Academic History of Yugra]. Khanty-Mansiysk: AO Izd. dom “Novosti Yugry” Publ., 2024, vol. 1. (in Russ.).
- Besprozvanny E. M. [Mesolithic of the Taiga Zone of Western Siberia (Preliminary Results of the Study)]. *Okhrannyye arkhеologicheskiye issledovaniya na Srednem Urale* [Preventive Archaeological Research in the Middle Urals]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 1997, vol. 1, pp. 26–38. (in Russ.).
- Bobrov V. V. [The Issue of Western Siberia’s “Flat-Bottomed” Neolithic Research (Chrono-Stratigraphic Aspect)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2020, vol. 19, no. 7, pp. 150–163. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-7-150-163 (in Russ.).
- Bobrov V. V., Marochkin A. G., Yurakova A. Yu. [Avtodrom 2 — a Late Neolithic (Artyn Culture) Site in the Baraba Forest-Steppe, Western Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2017, vol. 45, no. 1, pp. 49–61. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.1.049-061 (in Russ.).
- Borzunov V. A. *Drevniye ukrepleniya lesnoy polosy Urala i Zapadnoy Sibiri: v 4 t.* [Ancient Fortifications of the Forest Zone of the Urals and Western Siberia: in 4 vols.]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2020, vol. 1. (in Russ.).
- Chairkina N. M. *Pogrebal'nyye komplekсы epokhi eneolita i rannego zheleznogo veka Zaural'ya (po materialam pogrebal'no-kul'tovoy ploshchadki Skvortsovskaya gora V)* [Funeral Complexes of the Chalcolithic and Early Iron Age of the Trans-Urals (Based on Materials from the Skvortsovskaya gora V Burial-Cult Site)]. Ekaterinburg: NISO UrO RAN Publ., 2011. (in Russ.).
- Chairkina N. M. *Torfyanikovyye pamyatniki Urala, Vostochnoy i Zapadnoy Evropy* [Peat Archaeological Sites of the Urals, Eastern and Western Europe]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2022. (in Russ.).
- Chemyakin Yu. P. *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost'* [Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob Region. Antiquity]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechaty Publ., 2008. (in Russ.).
- Danilova E. N. [Excavations of the Nekh-Uriy 3.1 Settlement in the Nizhnevartovsk Region of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra]. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2011, iss. 9, pp. 447–458. (in Russ.).
- Dubovtseva E. N. *Traditsii keramicheskogo proizvodstva v neolite severa Zapadnoy Sibiri: kand. dis.* [Traditions of Ceramic Production in the Neolithic of the North of Western Siberia: Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 2021. (in Russ.).
- Dubovtseva E. N., Klementyeva T. Yu. [The Chilimka V Settlement and Its Place in the Neolithic of the West Siberian Taiga Zone]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2022, no. 2 (75), pp. 139–148. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-139-148 (in Russ.).
- Dubovtseva E. N., Kosinskaya L. L. [Chronology and Periodization of the Neolithic in the Taiga Zone of Western Siberia]. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik* [Tver Archaeological Collection]. Tver: Izd-vo “Triada” Publ., 2021, vol. 12, pp. 11–29. (in Russ.).
- Dudko A. A., Vasilyeva Yu. A. [Chronology of the Kulunigi 64 Soil Burial Ground (Bolshoi Yugan River Basin)]. *Trudy VI (XXII) Vseros. arkheologicheskogo s'yezda v Samare. V 3-kh t.* [Proceedings of the 6th (22nd) All-Russian Archaeological Congress in Samara. In 3 vols.]. Samara: SGSPU Publ., 2020, vol. 1, pp. 141–142. (in Russ.).

- Enshin D. N., Skochina S. N., Slepchenko S. M. [Neolithic Burials Settlement Complexes of Lake Mergen]. *IV Severnyy arkheologicheskiy kongress: materialy* [IV Northern Archaeological Congress: Proceedings]. Ekaterinburg: S. n., 2015, pp. 72–74. (in Russ.).
- Fedorova E. G. *Rybolovy i okhotniki basseyna Obi: problemy formirovaniya kul'tury khantov i mansi* [Fishermen and Hunters of the Ob Basin: Problems of the Formation of the Culture of the Khanty and Mansi]. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom Publ., 2000. (in Russ.).
- Istoriya Yamala: v 2-kh tomakh* [History of Yamal: in 2 vols.]. Ekaterinburg: Basko Publ., 2010, vol. 1, book 1. (in Russ.).
- Ivasko L. V. [On the Kayukov Archaeological Culture]. *Barsova Gora: drevnosti tayezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: Antiquities of the Taiga Ob Region]. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoye izdatel'stvo Publ., 2008, pp. 112–122. (in Russ.).
- Kardash O. V., Chairkina N. M., Dubovtseva E. N., Piezonka H. [New Research on the Early Neolithic Enclosed Settlement Kayukovo-2 in the North of Western Siberia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2020, vol. 19, no. 7, pp. 109–124. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-7-109-124 (in Russ.).
- Kardash O. V., Girchenko E. A., Ermakova K. K., Kardash A. O. [Kachnisap 2 — A New Site of Kayukovo Archaeological Culture]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories], 2023, vol. 29, pp. 132–138. DOI: 10.17746/2658-6193.2023.29.0132-0138 (in Russ.).
- Karmanov V. N. [Neolithic Population in the European Northeast: Habitation or Staying?]. *Pervobytnyye drevnosti Evrazii: k 60-letiyu Alekseya Nikolayevicha Sorokina* [Prehistoric Eurasia: To the 60th Anniversary of Alexei Nikolaevich Sorokin]. Moscow: IA RAN Publ., 2012, pp. 419–446. (in Russ.).
- Klementyeva T. Yu. *Neolit srednetayezhnoy zony Zapadnoy Sibiri: basseyn r. Kondy: kand. dis.* [Neolithic of the Middle Taiga Zone of Western Siberia: The Konda River Basin: Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 2024. (in Russ.).
- Klementyeva T. Yu., Krusement S. A., Pogodin A. A. [Neolithic Settlements in the North of Western Siberia (The Konda River Basin): 2007–2011 Field Research]. *Pervobytnyye drevnosti Evrazii: k 60-letiyu Alekseya Nikolayevicha Sorokina* [Prehistoric Eurasia: To the 60th Anniversary of Alexei Nikolaevich Sorokin]. Moscow: IA RAN Publ., 2012, pp. 497–524. (in Russ.).
- Klementyeva T. Yu., Pogodin A. A. [Burial Practices of the Population from the Konda River Basin in the Mesolithic and Neolithic Periods]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], 2020, vol. 9, no. 1 (30), pp. 131–141. (in Russ.).
- Klementyeva T. Yu., Pogodin A. A. [Stratification of Neolithic Ceramic Complexes in the Konda River Basin]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2020, vol. 19, no. 7, pp. 216–228. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-7-216-228 (in Russ.).
- Koksharov S. F. *Pamyatniki eneolita severa Zapadnoy Sibiri* [Eneolithic Sites of the North of Western Siberia]. Ekaterinburg: Volot Publ., 2009. (in Russ.).
- Koksharov S. F., Zyryanova S. Yu. [Neolithic Complexes of the Geologicheskoye XVI Settlement]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of Archaeology of the Urals]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan Publ., 2011, iss. 26, pp. 185–198. (in Russ.).
- Kosinskaya L. L. [An Archaeologist's View of West Siberian Ethnography: Some Aspects of Archaeological Reconstructions]. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik* [Tver Archaeological Collection]. Tver: TGOM Publ., 2006, iss. 6, vol. 1, pp. 19–25. (in Russ.).
- Kosinskaya L. L. [Raw Material Strategy and Stone Working as the Aspects of Cultural Adaptation (On the Materials of the Neolithic Monuments of the North of Western Siberia)]. *Ural'skiy istoriceskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2010, no. 2 (27), pp. 13–24. (in Russ.).
- Kosinskaya L. L. [Early Comb Type Ceramics in the Neolithic of the Trans-Ural]. *Ural'skiy istoriceskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2014, no. 2 (43), pp. 30–40. (in Russ.).
- Kosinskaya L. L., Yudina E. A. [Ancient Flintstone Mines of Nadym-Purovsky Watershed]. *IV Severnyy arkheologicheskiy kongress: materialy* [IV Northern Archaeological Congress: Proceedings]. Ekaterinburg: S. n., 2015, pp. 80–82. (in Russ.).
- Kovaleva V. T. [The Sumpanya III Settlement and the Problem of Cultural and Chronological Attribution of Sites of the Koshkin Type in the Taiga Zone of Western Siberia]. *Barsova Gora: drevnosti tayezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: Antiquities of the Taiga Ob Region]. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoye izdatel'stvo Publ., 2008, pp. 123–134. (in Russ.).

- Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu. [Middle Eastern Trace in the Neolithic Culture of the Middle Trans-Urals]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural State University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2007, no. 49, iss. 13, pp. 5–18. (in Russ.).
- Lychagina E. L. [The Early Neolithic of the Kama Region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2013, no. 4 (56), pp. 50–57. (in Russ.).
- Molodin V. I. *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi (kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla)* [Archaeological Site of Sopka-2 on the Om River (Cultural and Chronological Analysis of Burial Complexes of the Neolithic and Early Metal Ages)]. Novosibirsk: Izd-vo IAEt SO RAN Publ., 2001, vol. 1. (in Russ.).
- Molodin V. I., Mylnikova L. N., Kobeleva L. S., Nesterova M. S., Nenakhov D. A. [Baraba Culture of Early Neolithic Period]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2020, vol. 19, no. 7, pp. 69–93. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-7-69-93 (in Russ.).
- Piezonka H., Chairkina N., Dubovtseva E., Kosinskaya L., Meadows J., Schreiber T. The World's Oldest-Known Promontory Fort: Amnya and the Acceleration of Hunter-Gatherer Diversity in Siberia 8000 Years Ago. *Antiquity*, 2023, vol. 97, iss. 396, pp. 1381–1401. DOI: 10.15184/aqy.2023.164 (in English).
- Poseleniye Bystryy Kul'yogan 66: pamyatnik epokhi neolita Surgut'skogo Priob'ya* [The Bystryy Kulyogan 66 Settlement: A Neolithic Site of the Surgut Ob Region]. Ekaterinburg; Surgut: Ural. izd-vo Publ., 2006. (in Russ.).
- Shorin A. F. [Sacred Place Koksharov Hill in the Middle-East Ural Region: Sacred Space Markers]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2010, no. 1 (26), pp. 32–42. (in Russ.).
- Skochina S. N. [Koshkino Bone and Horn Artifacts from Mergen-6]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2010, no. 2 (42), pp. 25–36. (in Russ.).
- Sladkova L. N. [Chortova gora — a Neolithic Site in the Konda Basin]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of Archaeology of the Urals]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan Publ., 2008, vol. 25, pp. 147–158. (in Russ.).
- Sorokin A. N. [Purgasovo Culture: On the Occasion of the 30th Anniversary of Studies]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2015, iss. 239, pp. 301–325. (in Russ.).
- Stefanov V. I., Borzunov V. A. [The Amnya I Neolithic Settlement (Based on Materials from 1993 and 2000 Excavations)]. *Barsova Gora: drevnosti tayezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: Antiquities of the Taiga Ob Region]. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoye izdatel'stvo Publ., 2008, pp. 93–111. (in Russ.).
- Vasilyeva I. N. [On the Technology of Ceramics Making from Koksharovsky Hill]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of Archaeology of the Urals]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan Publ., 2011, iss. 26, pp. 103–124. (in Russ.).
- Vinogradov A. S. [Ceramics of the Ches-Tyi-Yag Neolithic Settlement: Cultural and Chronological Aspect]. *Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya Severnoy Evrazii i sopredel'nykh territoriy* [Archaeology, Ethnology, Paleoecology of Northern Eurasia and Adjacent Territories]. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2007, pp. 52–53. (in Russ.).
- Vinogradov A. S. [Archaeological Research on Settlement Kolungtotytor 1 in the Nefteyugansk District of Khanty-Mansi Autonomous District — Ugra in 2017]. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiisk Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2018, iss. 16, pp. 295–312. (in Russ.).
- Volokitin A. V. *Mezoliticheskiye stoyanki Parch 1 i Parch 2 na Vychehge* [The Parch 1 and Parch 2 Mesolithic Sites on the Vychehge]. Syktyvkar: Komi nauch. tsentr UrO RAN Publ., 2006. (in Russ.).
- Zakh V. A., Yen'shin D. N. [To the Question of Neolithisation in the Forest-Steppe of Western Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, no. 2 (62), vol. 6, pp. 34–43. (in Russ.).

Для цитирования: Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю., Косинская Л. Л., Погодин А. А., Чайркина Н. М. Неолит таежной зоны Западной Сибири: основные результаты // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 46–60. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-46-60.

For citation: Dubovtseva E. N., Klementieva T. Yu., Kosinskaya L. L., Pogodin A. A., Chairkina N. M. The Taiga Zone Neolithic of Western Siberia: Main Results // Ural Historical Journal, 2024, no. 3 (84), pp. 46–60. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-46-60.